

нарушающих право, возмещении убытков или взыскании вместо убытков компенсации, а также об изъятии из гражданского оборота материальных объектов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением исключительного права.

Суть исключительной лицензии состоит в наделении лицензиата абсолютным по своей природе правом использования объекта интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, предполагает наличие у него правомочий на защиту предоставленного ему права в отношении третьих лиц. В этой связи норма ст.985 ГК требует пересмотра в целях признания за лицом, являющимся лицензиатом в договоре исключительной лицензии, права на применение тех же способов защиты, которые признаются законодательством за самим обладателем исключительного права.

Библиографические ссылки

1. Пиленко, А.А. Право изобретателя. / А.А. Пиленко. – М.: «Статут», 2001. – С. 688.
2. Лабзин, М.В. Правовая сущность лицензионных соглашений /М.В. Лабзин. // Патенты и лицензии. – 2012. – № 2. – С. 28–34.
3. Штумпф, Г. Лицензионный договор. Пер. с нем. / Г. Штумпф. – М.: Прогресс, 1988. – С. 478.
4. Подопригора, А.А. Патентное право капиталистических стран / А.А. Подопригора// – Киев : Киевский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1968. – С. 88.
5. Шуваев, В.А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Шуваев// – М., 2009. – С. 29.

ЭФФЕКТИВНОЕ СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ НАДЛЕЖАЩЕЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Маньковский Игорь Александрович,

ведущий научный сотрудник центра частноправовых и социально-экономических исследований Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент
mia-65@tut.by

Одним из условий стабильного развития экономического оборота, что особенно важно в период становления инновационной сферы и построения в Республике Беларусь современной цифровой экономики, следует признать наличие юридически обеспеченной возможности полной и беспрепятственной реализации субъектами экономических отношений прав, предоставленных им гражданским законода-

тельством, а также возможности их надлежащей судебной защиты в случае нарушения.

Учитывая специфику построения системы гражданского права, которое в современных макроэкономических условиях должно обеспечить создание благоприятных условий для развития и осуществления частной предпринимательской деятельности, высокую эффективность функционирования белорусской экономики на основе максимального использования частной инициативы, минимально необходимое вмешательство государства в частные дела, преимущественно с целью защиты общественных, а также индивидуальных экономических прав и законных интересов, стабильность, как правило, длящихся экономических связей, построение на государственной территории гражданского общества и правового государства, можно утверждать, что одним из условий надлежащей судебной защиты нарушенных гражданских прав и законных интересов является соответствующее современному уровню общественного развития судебное толкование гражданско-правовых норм и условий заключенного договора.

Необходимость системного подхода к интерпретации правовых норм в ходе разрешения спора о праве гражданском наряду со сложностью и многоаспектностью как экономических отношений, так и задач, решение которых должно обеспечивать гражданское право, как опосредующая их отрасль, обусловлена спецификой норм гражданского права, их предназначением в системе и свойственными им признаками. К таковым, в частности, относятся следующие: особая сфера применения – общественные отношения, возникающие между отдельными субъектами на основе их инициативы в сфере производства, обмена и потребления продукции; условная определенность модели поведения, выраженной нормой-предписанием, возможность ее применения (неприменения) по воле заинтересованного субъекта; восполнительная направленность норм-предписаний, выраженная в возможности их использования по аналогии; общий дозволительный характер определенной совокупности норм гражданского права, направленных на минимизацию государственного вмешательства в частную экономическую сферу; направленность норм-предписаний на учет частных (индивидуальных) интересов, реализуемых в условиях справедливости, добросовестности и разумности субъектов при соблюдении баланса частных и публичных интересов; направленность норм-предписаний на опосредование, как правило, длительных правовых связей.

Следует отметить, что действующая в Республике Беларусь модель гражданско-правового регулирования (в частности, ст. 401 Гражданского кодекса (далее – ГК)) нормативно устанавливает требование первоочередного применения судом буквального толкования условий договора, что констатирует В. С. Каменков [1, с. 74]. Аналогичные нормы содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации [2, с. 119, 120]. Вместе с тем, законодательно закрепленный приоритет буквального толкования условий договора не в полной мере позволяет суду выяснить действительную волю сторон договора в ходе разрешения спора о праве гражданском, что может являться препятствием для принятия обоснованного судебного решения.

Буквальное толкование, как вспомогательный прием интерпретации правовых норм, безусловно, необходимо использовать, но в процессе применения норм публично-правовых отраслей, особенно в случае применения мер административной или уголовной ответственности, когда расширительное восприятие правовой нормы может привести к наказанию невиновных, а ограничительное – к непривлечению к ответственности виновных. При этом в случае применения буквального толкования в ходе интерпретации норм гражданского права следует руководствоваться определенными правилами, согласно которым общие и специальные гражданско-правовые нормы могут толковаться распространительно, а исключительные – только буквально [3, с. 7].

Несмотря на то, что буквальное толкование, как вспомогательный прием интерпретации, применяемый в рамках грамматического, систематического, логического и телеологического методов толкования гражданско-правовых норм, не способствует выяснению действительной воли сторон договорного правоотношения, теоретиками и практиками в настоящее время наиболее удачным признается такой вариант конструирования правовых норм, при котором текст правовой нормы и вложенный в нее смысл совпадают. Однако такой подход применялся в советской модели гражданского права, закрепленной в ГК 1922 г. и в ГК 1964 г., что было обусловлено методом правового регулирования, применяемым в процессе управления административно-командной экономикой СССР и не соответствует современному уровню развития общественных и, как их составляющей, экономических отношений.

В современный период развития цивилистики подход к регулированию экономических отношений, как и сами отношения, коренным образом изменился, что ставит под сомнение эффективность

буквального толкования, особенно в условиях развития гражданского права на основе диспозитивного метода правового регулирования [4].

В частности, в Гражданском кодексе Франции, Принципах Европейского договорного права, Гражданском кодексе Италии, Швейцарском обязательственном законе, Законе о договорах (общая часть) Израиля нормативно закреплена обязанность суда в процессе разрешения спора о праве гражданском выяснять действительную волю сторон договора, даже в том случае, если она противоречит его условиям.

На основании анализа норм указанных нормативных правовых актов можно сделать обоснованный вывод о том, что в процессе интерпретации положений гражданско-правовых договоров следует исходить не из буквального смысла слов и выражений, составляющих текст договора, а из действительной воли сторон договора, которая наиболее точно отражает существо возникшего между ними договорного правоотношения, а ее учет судом способствует принятию судебного решения, максимально учитывающего законные интересы субъектов гражданского права, вступивших в экономические отношения.

Изложенное позволяет сделать общий вывод о необходимости внесения изменений в ГК Беларуси и, в частности, включения в его состав правовых норм, регламентирующих процедуру толкования норм гражданского права и условий заключенных гражданско-правовых договоров, определяющих совокупность применяемых при этом методов толкования и последовательность их приложения к индивидуализированной гражданско-правовой связи, устанавливающих обязанность суда руководствоваться действительной волей сторон договорного правоотношения, даже если таковая противоречит сформулированным условиям договора, и устанавливающих запрет на отказ в осуществлении правосудия по мотивам отсутствия применимой нормы гражданского права, ее неясности, неточности либо несправедливости [5, с. 396–416]. Также в ГК необходимо установить запрет на применение по аналогии исключительных норм гражданского права.

Библиографические ссылки

1. Каменков, В.С. Принцип добросовестности в договорном праве / В. С. Каменков // Юрид. мир. – 2009. – № 1. – С. 73–77.
2. Малинова, И.П. Герменевтический круг в толковании договора / И. П. Малинова // Рос. юрид. журн. – 2006. – № 1. – С. 119–121.
3. Калмыков, Ю.Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм / Ю. Х. Калмыков // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 5–8.

4. Маньковский, И.А. Метод гражданско-правового регулирования: ретроспективный анализ и современное состояние / И. А. Маньковский // Право бу. – 2014. – № 2. – С. 47–52.

5. Маньковский, И.А. Нормативная модель гражданско-правового регулирования: проблемы формирования, толкования и применения: моногр. / И. А. Маньковский//– Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 486.

ВЛИЯНИЕ КОДЕКСА О КУЛЬТУРЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Мартыненко Игорь Эдуардович,

заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно), доктор юридических наук, профессор
martinenko@tut.by

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред историко-культурным ценностям. Определение «историко-культурная ценность» приводится в Кодексе Республики Беларусь о культуре, вступившем в силу 3 февраля 2017 г. (далее – Кодекс о культуре). Историко-культурные ценности – это наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства в установленном законом порядке. В Кодексе о культуре историко-культурные ценности подразделяются на памятники 7 видов. Памятники как вид историко-культурной ценности – это количественно ограниченные конкретные материальные объекты, предметы, коллекции (светские и конфессиональные, движимые и недвижимые, в единственном числе, комплекте и комплексе), а также места их сосредоточения (сохранения и экспонирования) [1, с. 8–9] и нематериальные проявления человеческого творчества (духовные ценности, обычаи, традиции, обряды, этнография, фольклор, диалекты, ремесла, промыслы, топонимика, геральдика), представляющие интерес для культуры, искусства, науки и вследствие этого подлежащие сохранению, изучению, восстановлению и популяризации (экспонированию).

Важным для гражданского права является установленная Кодексом о культуре классификация историко-культурных ценностей, которые в зависимости от формы воплощения их содержания подразделяются на материальные историко-культурные ценности и нематериальные историко-культурные ценности (п. 1 ст. 66 Кодекса о культу-